

**БОРИСВЪ
МУСАТОВЪ**

10. 10. 10.

**СОВРЕМЕННОЕ
ИСКУССТВО',
СЕРІЯ ИЛЛЮСТРИРОВА
ВАННЫХЪ МНОГРАФИЙ**

**INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA**
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 77
Tel. 26-68-63

ВЫПУСКЪ I

<http://rcin.org.pl>

100 нумерованных экземпляровъ этого изданія отпечатаны на ручной бумагѣ и вложены въ вышитые по холсту переплеты.

20.829

Бюсть работы А. Т. Матвѣева.
(1900 г.).

БОРИСВЪ МУСАТОВЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
БАРОНА Н.Н.ВРАНГЕЛЯ

Vranghel

ИЗДАНИЕ
Н.И.БУТ
КОВСКОЙ

СП.БУРГЪ
ОФИЦЕР.
СКАЯ 60

СПБ. Тип. Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ. 1910.

Водоем. (Эскизь).

Виктор Эвладисорович
Борисовъ-Мусаловъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Искусство поколѣнія шестидесятниковъ сводилось къ воспроизведенію возможно выразительнѣе событій изъ дѣйствительной жизни.

Люди этого времени были такъ довольны сами собой, считали свою земную миссію столь важной, что были твердо увѣрены въ томъ, что искусство есть отраженіе гражданскихъ и философскихъ идей, которыя проводятся въ жизнь при помощи красокъ. На смѣну народникамъ вскорѣ пришли другіе,—уже не бодрые строители жизни, а „хмурые люди“, унылые, приниженные и одинокіе; жизнь и искусство

надолго замерли, стали нѣжными оранжерейными цвѣтками. Прошла эпоха надеждъ и самодовольствія, всѣ замкнулись въ себя и „чеховская“ тоска заволкла паутиной порывы, желанія и вкусы. „Русскій человѣкъ любитъ вспоминать, но не любить жить“— вотъ фраза Чехова, относящаяся не только ко всему русскому укладу вообще, но главнымъ образомъ къ русскому человѣку его времени. И эта фраза оказалась пророческой. Еще долго томились всѣ не видя новой правды, еще долго неслась и догорала унылая пѣснь Чехова. Цѣлое поколѣнiе поэтовъ и художниковъ конца XIX и начала XX вѣка воспѣло языкомъ красокъ, лирией и словъ печальную мечту, воспоминанiе о прошломъ и тоску отъ дѣйствительности. Красивымъ стало то, что ушло, и эхо казалось прекраснѣе музыки. Въ литературныхъ разсказахъ выступила сѣрая, тоскливая жизнь скучной провинціи; героями пьесъ и романовъ стали печальные грустные люди. Въ пейзажахъ Левитана всѣ полюбили осеннюю красоту запустѣнiя, сонную ласку блѣдныхъ сѣверныхъ ночей, страдальческую притягательность

русской деревни. Въ области бытовой живописи выявились ретроспективные мечтатели, показавшіеся воскресшими призраками минувшаго жизненнаго сна. Они облекли свою грезу въ совсѣмъ новыи у насъ, изысканныи нарядъ „историческаго быта“. Сомовъ, Александръ Бенуа, Бакстъ, Рерихъ закрывали глаза на дѣйствительность, думая о прошломъ. Ихъ греза любила все что исчезло, все разрушенное, умирающее, печальное, обветшавое, больное, все то, что составляло достояніе и красоту другого времени и другой культуры. *Le beau—c'est le rare* сдѣлалось девизомъ искусства; нѣкоторые художники такъ полюбили прежнее время, что захотѣли перенести его въ жизнь. Литераторы послѣдовали за ними. Кузьминъ и Аусландеръ создали свой, совсѣмъ особый стиль разсказовъ о милой старинѣ, и столь остро и тонко зачертили миновшія переживанія, что они сплелись воедино съ современностью. Но среди всѣхъ поэтовъ былого выдѣляется одинъ, стоящій совсѣмъ особиякомъ, маленькій больнои горбуны Борисовъ-Мусатовъ. Онъ не пѣвецъ, какой либо

эпохи, какъ нѣкоторые другіе его современники. Элементъ исторической были почти отсутствуетъ въ его произведеніяхъ. Въ его творествѣ сплелись и перепутались разные моменты бытія, разные отблески и отраженія, разные люди и разныя мечты. Мусатовъ, грезя о прошломъ, не живетъ въ опредѣленной эпохѣ, не составляетъ часть какого либо историческаго момента. Онъ квинтэссенція всего, послѣдній звукъ безконечно далекой мелодіи, застоявшей много столѣтій назадъ и оборвавшейся въ наше время. Онъ совсѣмъ особенный, ни на кого непохожій, большой ребенокъ, милый и трогательный своей дѣтской наивной душой. Бенуа и Сомовъ, Рерихъ и Бакстъ люди опредѣленнаго времени — воскресшіе теперь, чтобы рассказать намъ о своей жнзни. Мусатовъ стоитъ внѣ историческаго момента. Въ какую эпоху, такъ какъ на его картинахъ, одѣвались, печалились, мечтали? Кто эти дѣвушки съ полными слезъ глазами и о чемъ тоскуютъ онѣ? Это греза Мусатова нарядила прежнихъ людей въ вышедшіе изъ моды старыя платья. Эта рука Мусатова на-

писала ихъ такъ, какъ ихъ писали итальянскіе фресковые живописцы въ XV столѣтіи. Въ этомъ смѣшеніи стипей и эпохъ Мусатовъ самостоятельный оригинальный художникъ среди всѣхъ своихъ русскихъ современниковъ.

Другая особая черта этого замѣчательнаго мастера совѣмъ исключительное, слѣпое очарованіе женственностью. Среди многихъ десятковъ его картинъ можно насчитать лишь нѣсколько примѣровъ изображеній мужчины. Въ этомъ опять увлеченіе неправдой. Мусатовъ былъ некрасивымъ горбуномъ, и оттого онъ такъ сильно и нѣжно полюбилъ все красивое и стройное. Жизнь его была невыносимымъ тяжелымъ испытаніемъ, и онъ болѣзненно-жадно грезилъ о нездѣшнемъ раѣ. Такъ сказапся истинный сынъ своего времени. Кто же та женщина, которую такъ нѣжно любилъ и воспѣвалъ Мусатовъ? Кто она эта блѣднолицая, грустноокая, зачарованная сказкой печальница? Она—всегда дѣвушка, всегда грустная; даже въ хороводѣ подругъ, она кажется одинокой. Ее ласкали прежде, ласкали когда то давно, но те-

перь никто не смѣетъ къ ней прикоснуться. Теперь на землѣ новыя женщины и для нихъ нужны и новыя ласки...

Но помимо чисто-психологическаго обаянія, помимо невыразимой почти магической прелести его мечты, Мусатовъ въ своемъ творчествѣ огромный мастеръ, „знатокъ своего дѣла“, любящій краску для краски, линію для линіи и форму для формы. Онъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ колористовъ, поэтъ цвѣтныхъ грезъ, онъ ближе всѣхъ другихъ понялъ великое значеніе монументальной живописи.

Его картины кажутся застывшей музыкой, какими то клочками радужнаго океана, вылившаго свои волны въ цвѣтные образы природы и людей.

Почти всѣ картины Мусатова—красочныя симфоніи: блѣдно-лиловаго, голубого, ярко-зеленаго и желтаго. Всякая мысль, всякій образъ его живописень. Мусатову не суждено было исполнить все имъ задуманное, онъ умеръ молодымъ, только начавъ свой „Реквиемъ“, который былъ его послѣдней пѣсней.

Quand les Illas reŕleuriront
Dans ces vallées nous reviendrons.

Гобелѣнь.

Собств. В. О. Гиршмань.
Москва.

Измуррудное ожерелье.

Третьяковская Галлерея.

Портрет дамы в профиль.

Третьяковская Галерея.

Въ творествѣ его нѣсколько этаповъ. То увлеченіе французскимъ нео-импрессионизмомъ, то безпредѣльная нѣжная любовь къ русской помещичьей старинѣ, то жажда красочныхъ провидѣній, какъ у большихъ мастеровъ кватроченто. Но все это только случайные, отдѣльные моменты. Мусатовъ прежде всего поэтъ печальной мечты, поэтъ прежней любви и нынѣшней женщины. Онъ ласковый, добрый сказитель на иновомъ языкѣ старинныхъ разсказовъ о старой жизни.

СВѢДѢНІЯ О ЖИЗНИ МУСАТОВА.

Мусатова звали Викторъ Эльпидифоровичъ, онъ былъ сыномъ служащаго на желѣзной дорогѣ, родился въ Саратовѣ въ 1870 году. Въ раннемъ дѣтствѣ онъ уже сдѣлался навсегда несчастнымъ малеиькимъ горбуномъ, непригоднымъ къ обыденности. И какъ у всѣхъ горбатыхъ уродовъ, какъ у обиженныхъ судьбой, у него развилось особое, ему одному присущее міровоззрѣніе. Онъ до конца своихъ дней остался уродливымъ ребенкомъ, сумѣвшимъ не дѣтскимн, глубоко-мудрыми словами повѣдать землѣ свои мечты о небѣ. Вѣдь онъ такъ глубоко и нѣжно любилъ это небо, такъ много и хорошо писалъ его! Чудится будто онъ всю свою жнзнь провелъ въ какомъ то волшебномъ царствѣ, тамъ гдѣ зеленая весенняя трава, гдѣ всегда вѣчно-синее небо, тнхая гладь воздушнаго океана. Вся его жизнь—простая и

ясная—кажется грустнымъ разсказомъ больного мальчика. „Онъ росъ, останавливая на себѣ вниманіе окрестныхъ мальчишекъ, поневолѣ отдаляясь отъ сверстниковъ, благодаря своему несчастью.

Любовь къ рисованію явилась у него рано, такъ же какъ и потребность къ уединенію. Объ этомъ сохранилась его записъ: „Около Саратова на Волгѣ есть островъ. Этотъ островъ называется „Зеленымъ“. Въ дѣтствѣ онъ былъ для меня чуть ли не „Таинственный островъ“. Я зналъ только одинъ ближайшій его берегъ. Онъ былъ пустынный, и я любилъ его за это. Тамъ никто не мѣшалъ мнѣ дѣлать первые робкіе опыты съ палитрой“.

„Дѣти жестоки—они не прощаютъ физическнхъ несчастій—вотъ отчего, когда онъ уже выросъ—у него, постоянного жителя Саратова, не оказалось никакихъ товарищескихъ связей и знакомствъ среди родного города. Десяти лѣтъ онъ поступилъ въ реальное училище и въ свободное отъ ученія время сталъ ходить въ художественные классы при Радищевскомъ музеѣ.

Къ своимъ первымъ учителямъ онъ сохранилъ глубокую признательность и впоследствии, не сходясь съ ними совершенно во взглядахъ на задачи искусства, отзывался о нихъ, какъ о людяхъ—неизмѣнно тепло“. Такъ рассказываетъ близкій другъ Мусатова— В. К. Станюковичъ.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о жизни Борисова—Мусатова говорятъ о томъ, какъ страстно любилъ онъ искусство, какъ 16-ти лѣтъ бросилъ Саратовское реальное училище, уѣхалъ въ Москву и поступилъ въ школу живописи и ваянія. Никто не хотѣлъ понять его смѣлыхъ дерзаній; профессора по школѣ не оцѣнили молодого художника. Мусатовъ уже тогда видѣлъ все „по своему“, писалъ въ холодныхъ сныхъ тонахъ, казавшихся всѣмъ „неестественными“.

Люди не видѣли грезы маленькаго мечтательнаго горбуна и думали, что своими странными нездѣшными красками онъ пишетъ теперешнюю жизнь и правду. Мусатовъ, непонятый въ училищѣ, переѣзжаетъ въ 1891 г. въ Петербургъ учиться у Чистя-

кова въ Академіи Художествъ. Этого умиаго, своеобразнаго учителя Мусатовъ любилъ и до конца жизни сохранилъ о немъ самыя лучшія воспоминанія.

Здоровье Мусатова не позволяло ему жить постоянно въ Петербургѣ и, пробывъ годъ въ Академіи, онъ вынужденъ вернуться въ Москву. Онъ учится опять въ училищѣ живописи и ваянія, часто посѣщаетъ Третьяковскую галлерю, любитъ и любитъ Бастень—Лепажу за его „Деревенскую любовь“. Въ этихъ юношескихъ мечтахъ уже говорится будущій поэтъ любви и деревенскаго затишья. Въ это же время Мусатовъ увлекается Ге и импрессионизмомъ, что видно по написанной имъ лѣтомъ въ Саратовѣ картинѣ „Дѣвочки, играющія въ мячъ“.

Но Мусатову кажется скучной жизнь обыденности; онъ пока не умѣетъ заколдовывать ее,—населять міръ своимн неземными друзьями. Онъ ищетъ новыхъ грезъ; лѣтомъ 1895 г. путешествуетъ на Кавказѣ и въ Крыму, исполняетъ яркія, вспыхивающія красочныя симфоніи. На посмертной выставкѣ Муса-

това онѣ были просто названы „Кавказскіе и Крымскіе этюды“. „Я живу только мечтой, только будущимъ—пишетъ онѣ, твержу постоянно: „въ Парижѣ! Въ Парижѣ“. Любимая имѣ печальная осеиѣ приноситъ эту радость и онѣ ѣдетъ въ Парижѣ. Ему не удается поступить къ Пювисѣ де Шаванну и онѣ начинаетъ работать у Кормона, о которомъ говоритъ:

„Кормонѣ очень похожѣ на академическаго профессора Чистякова. Это высокаго роста, худой, старикѣ, замѣчательно энергичный. Говоритъ онѣ очень быстро и много, и говоритъ не стѣсняясь, такъ что ученики его боятся и онѣ крѣпко ихѣ пробираетъ весьма основательно. Поправлять работы онѣ приходитъ два раза въ недѣлю.

Работаю отъ 8-ми до 10-ти. Остальное время работаю дома или брожу по картиннымъ галлереемѣ и по Парижу.

Ужѣ я и счетѣ потерялъ, который дѣлаю рисунокѣ... Но я чувствую, что я сдѣлалѣ успѣхѣ. Я нашелѣ то, что мнѣ представлялось нужнымѣ раньше... Я конечно могѣ бы заниматься цѣлый день —

тогда бы успѣхъ былъ самый существенный, но я не раскаиваюсь, что этого не сдѣлалъ, ибо я хоть немного познакомился съ Парнжемъ. Я въ это время хоть сколько нибудь изучилъ Лувръ и Люксембургъ. Особенно Лувръ, по своей школѣ, инчѣмъ не замѣнимъ“.

Въ этихъ вкусахъ сказался весь художникъ, любящій прежде за его умирающій ароматъ, а современное за его яркую красочность.

Но предаваясь созерцаемымъ наслажденіямъ и занимаясь почти исключительно рисункомъ, онъ забылъ то, чему учился какъ живописецъ. Къ тому же онъ не могъ постоянно работать и въ періодъ времени 1895—98 г. г. долженъ дважды уѣзжать изъ Парижа—разъ въ Россію, другой разъ для леченія въ Масэ, на югъ Фраиціи.

Парнжъ имѣлъ на Мусатова огромное вліяніе. Это особенно замѣтно на его картинѣ „Maternité“, (1896 г.), на которой, отразились исканія французскихъ нео-импрессионистовъ.

Позднѣйшіе опыты его композицій для фресокъ показали, какъ глубоко запечатлѣлись въ немъ маняція видѣнія Боттичелли и Пювись де Шаванна.

Вернувшись въ Россію онъ заканчиваетъ лѣтомъ большой „Портретъ“ (1899 г.), представляющій художника и его сестру въ саду у стола, бѣлый мраморъ котораго осыпанъ розамн.

Теперь „Портретъ“ въ музеѣ Александра III. Это первое вполне зрѣлое и уже самостоятельное произведеніе художника, но въ немъ все еще иѣтъ той законченной широты обобщеній, той поэтической мечтательной грусти, того высокаго мастерства, которые будутъ въ позднѣйшихъ работахъ Мусатова.

Слѣдующее лѣто художникъ провелъ въ старинномъ имѣніи „Слѣпцовка“, Саратовской губерніи. Здѣсь подъ длинными верандами обвитыми плющемъ художникъ еще больше полюбилъ старинныя вещи, костюмы и сказанія.

Онъ весь проиикся тишиной барской русской деревни, онъ увидѣлъ то, что искалъ и задумалъ

Весна.

Собств. В. К. Станюковича.
СПБ.

„Гармонію“. Въ этой картинѣ вся жизнь его мечты и мечта его жизни.

Здѣсь лиловые сумерки съ клубящимися вечерними облаками.

Здѣсь старый паркъ съ бѣлымъ домомъ. Здѣсь простая старая женщина въ платкѣ, старая, но еще живая. И двѣ дѣвушки и кавалеръ въ старинныхъ платьяхъ.

Они всѣ трое молоды, но умерли давно. Старый но живой паркъ, и доживающая свой вѣкъ старушка, и давно умершіе молодые—вотъ „живые предметы“, которые будутъ во всѣхъ послѣдующихъ картинахъ Мусатова.

Въ „Гармоніи“ первый разъ выплакалась его милая больная душа. Маленькій горбунъ разсказалъ вслухъ о своихъ грезахъ. „Quand les lilas reuffleurissent“ и два „Мотива“—„Осенній“ и „Безъ словъ“ относятся къ тому же времени.

Въ этихъ картинахъ призракъ женщины еще не вполне овладѣлъ душой художника. Пока Мусатовъ пишетъ не только однѣхъ женщинъ,—какъ это будетъ

позже,—а также и мужчинъ. Всѣ три произведенія могутъ составить циклъ „Вдвоемъ“. Всегда два существа—мужчина и женщина—въ старинномъ домѣ или въ паркѣ. Въ „Осениемъ мотивѣ“ свѣтлый обликъ женщины ярко рисуется на трельяжѣ боскета.

Печальный кавалеръ грустной дамы понуро сидитъ противъ нее. Или вотъ подъ высокими деревьями, въ тѣнистой прохладѣ большого сада, идутъ двое.

Та же дѣвушка и тотъ же кавалеръ: „*Quand les lilas refleuriront, Dans ces vallées nous reviendrons*“...

Потомъ оба они сидятъ въ домѣ. Мягко мерцаетъ и скользитъ лучъ солнца по матеріямъ платья и мебели. Кажется, будто, слышать, какъ идетъ тишина, какъ сонно шуршитъ маятникъ, какъ бьется муха объ стекла оконъ.

Картина названа „Мотивъ безъ словъ“. Въ этихъ трехъ созданіяхъ—жаждущая ласки душа художника. Онъ мечтаетъ о женщинѣ и любитъ ее и, быть можетъ, представляетъ себя въ образѣ того кавалера, который гуляетъ въ паркѣ и сидитъ дома съ любимой. Смѣлая греза для маленькаго горбуна!

Слѣдующее лѣто (1901 г.) художникъ живетъ въ „Зубриловкѣ“. Вы знали это имѣніе въ Саратовской губерніи, старую тихую „Зубриловку“ съ большимъ покойнымъ домомъ? Или нѣтъ? Ее сожгли крестьяне во время революціи. Мусатовъ провелъ здѣсь лучшіе годы своей жнзнн. Въ „Зубриловкѣ“ онъ нашель самого себя, здѣсь онъ задумаль „Гобелэнь“, здѣсь въ саду онъ мечталь надъ „Водоемомъ“. Этюдовъ къ „Гобелэну“ Мусатовъ не писалъ вовсе. Онъ только упорно думаль надъ этой картиной все лѣто въ „Зубриловкѣ“. Онъ пережилъ, создавая „Гобелэнь“ смерть своей первой мечты. Въ запискахъ его, относящихся къ этому времени, видна тяжелая драма любви и одиночества. Мусатовъ поняль, что ему, безобразному горбуну, нельзя быть съ тѣми дѣвушками, среди которыхъ онъ жилъ когда то. И мечтая о нихъ, онъ ужъ не рисоваль рядомъ съ ними наряднаго влюблеиннаго кавалера. Въ „Гобелэнь“ двѣ дѣвушки и нѣтъ мужнины. Его и не будетъ въ послѣдующихъ картинахъ Мусатова. Греза о женщиинѣ всецѣло полонила его. „Гобелэнь“ былъ законченъ

въ Саратовѣ, зимой и выставленъ въ 1901—02 г. въ Товариществѣ Московскихъ Художниковъ. Эта картина, быть можетъ, самая совершенная изъ всего, что писалъ Мусатовъ. Здѣсь скованы въ одио: нѣжная дѣтская душа и дивная техника живописи и рисунка. Въ паркѣ, подъ сѣнью деревьевъ, гуляютъ двѣ дѣвушки. Онѣ свѣтлыя, свѣтлыя, такія же бѣлыя какъ Зубриловскій домъ, который видѣнъ въ отдаленіи. Онѣ грустныя, какъ грустны эти деревья, замороженныя знойной тишиной. Онѣ милы, какъ миль этотъ домъ и ихъ нѣтъ, также какъ нѣтъ теперь этого дома. Но тогда, при Мусатовѣ, домъ еще былъ реальной правдой, а дѣвушки тогда уже были призраками. Такъ спаялъ художникъ жизнь съ мечтой. Въ этомъ же году имъ написанъ „Вишневый садъ“ полный чеховской грусти.

Въ Саратовѣ, также какъ и въ Москвѣ, не поняли Мусатова. Его считали „декадентомъ“. Онъ жилъ одиноко въ маленькомъ флигелѣ въ саду и видѣлся съ немногими случайными друзьями. Въ 1902 г. Мусатовъ, какъ то вечеромъ, показалъ имъ

свою новую, задуманную еще въ „Зубриловкѣ“, картину. Онъ назвалъ ее—„Водоемъ“. Много разъ писалъ Мусатовъ этюды Зубриловскаго парка, писалъ двухъ женщинъ, глядящихся въ зеркальной глади воды. На картинѣ—правда жизни, съ томнымъ налетомъ грусти.

Въ водоемѣ, въ лѣтній день—небо и деревья. У воды тоскуютъ о чемъ то печальноокія женщины. Одна сидитъ, другая стоитъ подлѣ. Паркъ и небо опрокинулись въ водѣ и застыли. И тихая гладь пруда, и мечтательные призраки женщинъ и недвижимыя деревья заморожены тайной бытія. Старый волшебникъ Время заколдовалъ все. Всѣ женщины стали Спящими Царевнамн. И никто, живой не проникнетъ въ заколдованный садъ. Память о прежнемъ овѣяла нѣжной сказкой реальное видѣніе. И мнится, что природа и люди—застывшій сонъ...

Техника исполненія картнины показываетъ въ ея авторѣ огромнаго, умѣлаго мастера. „Водоемъ“ прекрасенъ своими бархатными мечтательными красками, сказочно-правдивый живописью неба, воды, листья и матерій платьевъ.

Все нарисовано и написано съ мудрымъ обобщеніемъ „цвѣта“ и формъ. Мечта художника кристаллизировалась и застыла. Водоемъ навсегда останется классическимъ произведеніемъ русской школы живописи.

Въ томъ же 1902 г., осенью, Мусатовъ женился на давно любимой имъ дѣвушкѣ. Лѣто слѣдующаго года онъ проводитъ на дачѣ близъ Хвалынска, въ тѣнистомъ ущельи Черемшана, въ мѣстности стараго скита раскольниковъ „австрійцевъ“. Недалеко отъ дома гдѣ жилъ Мусатовъ былъ дубнякъ и художникъ цѣлыми днями писалъ этюды деревьевъ.

Эти наброски послужили ему для картины „Изумрудное ожерелье“. Картина названа такъ по ярко-зеленому „изумрудному“ тону дубовой листвы въ тѣни которой сплелись, какъ самоцвѣтные камни, мечтательныя дѣвушки въ старинныхъ платьяхъ.

Здѣсь зародилась въ грусти и улыбулась радостью дѣтская греза художинка. Такъ кажется, смотря на „Ожерелье“: налѣво женщина въ темномъ — печальная, съ остановившимися, полными

тоски глазами. Другая, подлѣ нея также горюеть. Но чѣмъ дальше отъ тоскующихъ, тѣмъ веселѣе становятся дѣвушки. И та что стоитъ направо— радостное, полное жизни безопасное дитя. Такъ, словно волна бѣжитъ грусть, развертываясь счастьемъ.

Въ картинѣ вся гамма настроеній отъ печалн къ солнечной радости. И невольно думаешь о перелнвахъ зеленыхъ камней, смотря на „Изумрудное ожерелье“.

Одновременно съ этой картиной художникъ написалъ и другую—„Призраки“, давно уже задуманную въ „Зубриловкѣ“. Здѣсь опять представлена вереница женскихъ лицъ въ старыхъ костюмахъ. Онѣ кажутся замороженными могущественнымъ колдуномъ—Временемъ, онѣ безвольно бродятъ, какъ тѣни у стѣнъ стараго опустѣлаго помѣщичьяго дома. Также задумчивы нездѣшнія лица: „Дама въ профиль“, „Спокойствіе“, „Сонъ“ и „Встрѣча у колонны“. Всѣ они написаны до 1904 г. въ „Саратовскій“ періодъ творчества Мусатова.

Въ концѣ 1903 г. онъ уѣзжаетъ въ Подольскъ, близъ Москвы. Здѣсь монументальныя задачи фресковой живописи увлекаютъ его. Онъ вспоминаетъ о чемъ грезилъ онъ въ Парижѣ подъ древній шопоть Ботичелли и сказки Пювись де Шаваннь.

Мусатовъ понимаетъ, что ему данъ великій даръ угадыванія и провидѣнія огромныхъ цвѣтныхъ видѣній. Ему чудятся плоскости дворцовыхъ стѣнъ, расписанныхъ фресками, музыкальныя ритмы стѣнной живописи. Первые проблески этой смѣлой мечты художника были въ „Изумрудномъ ожерельи“. Потомъ Мусатовъ всецѣло отдается мысли о декоративной живописи. Онъ получаетъ заказъ расписать фресками центральное зданіе трамваевъ и пишетъ эскизы своихъ красочныхъ грѣзъ: „Екатерина Великая и Ломоносовъ“, „Дѣвушки, застигнутыя грозой“, „Вѣтки плакучей березы и рябины“. Понятно,—трамвайная администрація не принимаетъ эскизовъ, какъ несоотвѣтствующихъ заданной темѣ. Мусатовъ дѣлаетъ тогда проекты фресокъ для одного дома, но и онѣ не приводятся въ исполненіе. Эти эскизы акварелью

Встрѣча у колонны.

Собств. г-жи Ламановой.
Москва.

Demoiselle.

Собств. П. П.
Парижъ.

Рисунокъ для обложки. <http://rcin.org/> Собств. Я. Н. Веретенникова. СПБ.

Паркъ погружається въ тѣнь.

принадлежать теперь А. П. Боткиной и Третьяковской галлерей.

В. К. Станюковичъ опубликовалъ въ своей книгѣ о Мусатовѣ, составленное самимъ художникомъ описание фресокъ.

„Весенняя сказка (лѣвая сторона). Утро радостное. Юныя игры. Двѣ молодыя подружки ловятъ бѣлыхъ мотыльковъ; третья подбираетъ букетъ, рветъ лепесточки. Свѣтлыя платья—какъ лепестки весеннихъ цвѣтовъ. На островкѣ группа березъ плакучихъ, съ прозрачными длинными тѣнями. Между ними—скамья. Старый бюстъ Горація, друга лирическихъ лѣсовъ—задумчиво смотритъ вдаль,—а даль, берегъ парка и небо съ весениними облаками—отразилнсь въ рѣкѣ.

Лѣтняя мелодія (средняя стѣна). День склоняется къ вечеру. На террасѣ группа дамъ. Зеленый плющъ. Старый мраморъ на фонѣ тѣнстаго парка и стѣны дома освѣщены солнцемъ. Снизу по нимъ поднимаются неслышно прозрачныя тѣни. Жеманныя позы. Богатство матерій. Лѣтнія облака,

принимая фантастическія формы, плывутъ надъ паркомъ.

Осенній вечеръ (правая сторона).—Осенняя пѣснь. На облакахъ догораютъ послѣдніе пучи солнца. На фонѣ вечерняго неба слухэтами тянутся стволы старыхъ липъ; за ними—меланхоллическая даль пустыниаго парка. Въ вышинѣ тяжелымъ кружевомъ сплелись папы вѣтвей; онѣ скоро будутъ голы.

Налѣво гротъ съ облетающимъ кустомъ жимолости. Передъ нимъ тихая вода ручья. Идутъ дѣвушки... онѣ тоже скоро исчезнутъ.

Прощальная прогулка. Послѣдній брошенный прощальный взглядъ. Послѣдній сорванный цвѣтокъ.

И только одинокій флюгеръ на крышѣ покинутаго дома будетъ всегда смотрѣть туда—на югъ—куда онѣ теперь смотрятъ“.

Послѣдняя картина была задумана въ двухъ вариантахъ; вотъ первый изъ нихъ:

„Сонъ Божества. Глубокая осень, холодная безрадостная ночь. Спитъ старый паркъ у развалинъ башни. Спитъ богъ любви. Къ его пьедесталу жмутся

робко послѣднія осеннія розы. Голыя вѣтви деревьевъ тянутся къ звѣздамъ. Одна вѣтка заглянула въ печальный водоемъ и утонула въ немъ“.

Эти проекты фресокъ полны нензъяснимой печали, подернуты нѣжной дымкой грусти. Того же настроенія и прелестныя картины „Прогулка при закатѣ“ и „Паркъ погружается въ тѣнь“. Это послѣднее произведеніе одно изъ перловъ творчества художника; особенно красно оно по краскамъ блѣднымъ, мерцающимъ, переливчато-опаловымъ.

Совсѣмъ какъ морская раковина, нскрящаяся перламутромъ!

Весной 1905 г. Мусатовъ поселился въ Тарусѣ— маленькомъ захолустномъ городѣ Капужской губери. Здѣсь инкто не беспокоилъ его и онъ могъ уйти въ самого себя, сосредоточиться. Лѣтомъ онъ долженъ былъ прожить въ Москвѣ, но къ осени вновь вернулся въ Тарусу. Въ это время имъ исполненъ „Орѣшникъ“—днвный, блѣдный этюдъ холодной рѣки, осенняго неба, деревьевъ съ обнажающимся вѣтвями. Тогда же задуманъ н „Реквиѣмъ“—

послѣдняя и, можетъ быть, лучшая его картина. Въ ней соединились и кристаллизировались всѣ исканія и грезы Мусатова: мечта о далекой красотѣ ита-ліанскихъ фресокъ и нѣжная ласка близкой ему русской усадебной жизни прошлаго. Все въ этой картинѣ печально, все не реальность, а—воспоминаніе. Центральная фигура—долго любимая имъ, только что умершая жеищина. Она кажется не правдой, а выдумкой, задумчивымъ призракомъ не нынѣшняго сна. Кругомъ все женщины и всѣ печальны. Рыжеволосыя и чернокудряя, блѣдныя, грустныя, печальноокія, осеннія. Тихо тоскуютъ онѣ и глаза ихъ кажутся глазами раненыхъ ланей. Движутся, чуть слышно шурша платьями, шевелятся лѣниво, какъ падающіе съ деревьевъ листья. И отъ всей картины вѣетъ какимъ то особеннымъ чисто музыкальнымъ обаяніемъ, неизъяснимымъ очарова-ніемъ милой, больной „Мусатовской“ грезы.

Эта картина была послѣдней. Надломленное здо-ровье Мусатова не выдержало тяжелыхъ испытаній, усиленнаго непрерывнаго труда. Въ ночь на 26-е

Кусть орѣшника.

Октября, 1905 года онъ почувствовалъ себя плохо и къ утру скончался. Онъ умеръ 35 лѣтъ...

Въ жизни бываютъ таинственныя и страшныя совпаденія: черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Мусатова, крестьяне сожгли Зубриловскій домъ, сожгли паркъ, все разрушили, истребили. И тѣнь поэта призраковъ потеряла свой пріютъ....

И Т О Г И.

Есть художники, жизнь которыхъ является какъ бы сценическихъ воплощеніемъ ихъ художественныхъ мечтаній. Они сопереживаютъ бытіе тѣхъ героевъ, о которыхъ рассказываютъ языкомъ красокъ, они переносятъ на холсты своихъ картинъ ту правду, которая мучаетъ, радуетъ и волнуетъ ихъ. Смотря на ихъ произведенія, видишь ихъ самихъ, соучастниками тѣхъ красочныхъ сновъ, которые они воплотили въ искусствѣ. Одни выражаютъ свои сокровенныя грезы и рассказываютъ только о себѣ. Другіе—напротивъ стараются скрыть свое я, никогда не пишутъ того, что видятъ вокругъ себя, никогда не представляютъ своего изображенія среди героевъ и героинь жизни и сказокъ, о которыхъ повѣствуютъ.

Они стараются забыться, уйти далеко от действительности, спрятаться, сдѣлаться маленькими, незамѣтными, одѣть на себя большую „шапку—невидимку“ и смотрѣть изъ подъ нее, скрытыми отъ постороннихъ глазъ.

Они думаютъ, что рассказывая о нездѣшнемъ мірѣ, они сами станутъ жителями другой земли. Они такъ жестоко обижены судьбой, что кажутся себѣ недостойными той красоты, о которой мечтаютъ и которую воплощаютъ они на своихъ картинахъ.

Борисовъ-Мусатовъ,—некрасивый горбунъ—былъ именно такимъ скрытымъ, затаившимся поэтомъ. Онъ фанатичный поклонникъ женщины, онъ нѣжно любившій все стройное, изысканное и прекрасное, родился уродомъ, одинокомъ, несчастнымъ и больнымъ. Вотъ почему ему такъ хотѣлось спрятать свой обликъ, свою жизнь и свое несчастье отъ другихъ; онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы жаловаться! Онъ уходилъ отъ жизни, бѣжалъ отъ нее, но злая и беспощадная она настигала его, окружала насмѣшками и издѣвательствами и наконецъ покинула въ

полномъ его расцвѣтѣ силъ и дарованія. Но загнанная, больная, измученная страдальческая душа художника, прячась отъ всѣхъ, все же выплакалась въ его картинахъ. Мусатовъ хотѣлъ отказаться отъ жизни, но не могъ. Онъ одинъ изъ самыхъ яркихъ индивидуалистовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ какъ никто не только себя, но и все свое время, его вкусы и мечтанія. Въ „Гармоніи“ сплетается правда и выдумка: старуха въ современномъ платьи, домъ стариннаго построенія и новые люди, одѣтые, какъ одѣвались когда то давно. Мечта и жизнь скованы здѣсь воедино.

Женщины на картинахъ Мусатова—именно тѣ, которыхъ онъ любилъ въ жизни, но ихъ одѣванія и дома, въ которыхъ онѣ живутъ, совсѣмъ иного вѣка. „Когда меня пугаетъ жизнь—я отдыхаю въ искусствѣ“ говоритъ Мусатовъ, но и въ это искусство онъ незамѣтно для себя впадаетъ живую частицу дѣйствительности. Онъ создалъ свой особый міръ, гдѣ правда соприкасается съ фантазіей, онъ всю свою жизнь какъ бы прожилъ на томъ „Зеленомъ Островѣ“,

Весенняя сказка. (Эскизь для фресокъ).

Третьяковская Галлерей.

Осенний вечер. (Эскиз для фресокъ).

Третьяковская Галерея.

Сонъ божества. (Эскизь для фресокъ).

Третьяковская Галлеря.

Requiem.

Третьяковская Галерея.

куда еще въ дѣтствѣ онъ ѣздилъ скрываться отъ людей.

Въ одномъ стихотвореніи въ прозѣ, написанномъ имъ еще въ Саратовѣ, сказывается это исканіе одиночества, тупая боль отъ жизни и жажда иного бытія:

Спокойствіе душу объемлетъ

И я никуда не иду.

Здѣсь концерты, вечера, спектакли, скандапы,
Саратовцы, судя по газетамъ, мнутса.

Мнутса мои бѣдные односельчане,

А я сижу дома и задаю концерты себѣ одному.

Въ нихъ вмѣсто звуковъ—все краски,

А инструменты—кружева, и шелкъ и цвѣты.

Я импровизирую на фонѣ фантазін,

А романтизмъ мой всесильный капельмейстеръ.

И я забываю, что люди и здѣсь существуютъ.

Миѣ кажется, что ихъ здѣсь нѣтъ,

Или я ихъ такъ глубоко презираю.

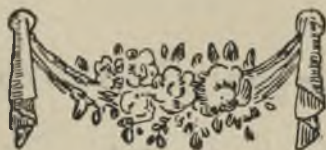
И миѣ кажется иногда, что я на какомъ то
необитаемомъ островѣ.

И дѣйствительность, какъ будто, не существуетъ,

Мечты мои всегда впереди.
Иногда онъ ближе меня окружають толпой,
Онъ мнѣ создаютъ цѣлыя симфоніи,
Тоска меня мучить, музыкальная тоска по па-
литрѣ, быть можетъ;
Гдѣ я найду моихъ женщинъ прекрасныхъ?
Чи женскія лица и руки жизнь дадутъ моимъ
мечтамъ?
И я никуда не иду,
Спокойствіе душу объемлетъ...

Такъ писалъ о себѣ Мусатовъ и такъ жилъ онъ—бѣдный, больной, грустный и несчастный. Къ чему, зачѣмъ? Вѣдь онъ не могъ воскресить той жизни, о которой грезилъ и не могъ сдѣлаться со-участникомъ ниго бытія? Онъ любилъ красоту и былъ маленькимъ уродомъ, онъ мечталъ объ умершихъ—и былъ живымъ. Смерть поняла нелѣпость такой жизни и унесла ее.

Баронъ Н. Врангелъ.

СПИСОКЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ХУДОЖНИКА.

ПЕРВЫЯ РАБОТЫ.

Дѣвочки играющія въ мячъ. (Собств. В. К. Елизаветы
Феодоровны).

Дафнисъ и Хлоя.

Человѣкъ съ тачкой.

Наброски къ картинѣ „Жатва“. (Собств. г. Брусова. СПБ.).

1886.

Окно.

1894.

Макъ въ саду.

Кавказскіе этюды.

Крымскіе этюды.

1895.

Мальчикъ съ собакой.

Этюды къ картинѣ „Жатва“. (одинъ—собств. кн. А. К. Шервашидзе. СПб.).

1896.

Голова дѣвушки съ агавой.

Плѣнники. (Неоконченная картина).

Поцѣлуй.

Эскизъ картины „Maternité“.

Рисунокъ „Л. Толстой и Бирюковъ“.

1897.

Агава.

Деревцо. (Собств. гр. Д. И. Толстого. СПб.).

Этюдъ (сарайчикъ).

Голова старика.

Этюдъ садовника (пастель).

Этюдъ сада. (Собств. К. П. Кузнецова. Парижъ).

1898.

Садъ въ полдень.

Пи (пастель).

38

Этюдъ „Послѣ дождя“.

Портретъ (Музей ИМП. АЛЕКСАНДРА III).

1899.

За чтеніемъ (акварель).

Этюдъ къ „Гармоніи“. (Собств. Я. Я. Брокера. Москва).

Весенніе этюды.

Розовыя облака.

Этюдъ старой женщины.

Этюды къ картинѣ „Quand les lilas“...

Этюдъ молодого человѣка.

Мальчикъ съ кувшиномъ. (Собств. В. С. Мандель. СПб.).

Осенній мотивъ. (Радищевскій музей. Саратовъ.).

„Causerie“. (Харьковскій музей).

Лѣтній вечеръ. (Собств. худ. Никифорова. СПб.).

Вечерній пейзажъ.

Романсъ безъ словъ. (Собств. М. О. Якунчиковой. Москва).

1900.

Дѣвушка на балконѣ. (Собств. Н. Н. Одесса).

Осень.

Гармонія.

Портретъ въ лиловомъ платьѣ съ розами.

Рисунокъ головы (Радищевскій музей. Саратовъ).

1901.

Этюдъ тополей и облаковъ.

За вышиваніемъ.

Спокойствіе.

Встрѣча у колонны. (Собств. г-жи Ламановой. Москва.).

Дама въ криолинѣ.

Весна. (Собств. В. К. Станюковича. СПБ.).

Дѣвушка съ розами.

Вечеръ. (Этюдъ).

Два этюда цвѣтущихъ вѣтокъ (одинъ—собств. А. Н. Веретенникова. СПБ.).

Эскизъ картины „На террасѣ“. (Собств. А. Ф. Гауша. СПБ.).

Этюдъ драпировокъ съ розами.

Портретъ дамы. (Третьяковская Галлерей).

1902.

Гобелѣиъ. (Собств. В. О. Гиршмана. Москва).

Послѣдніе лучи.

Дама на лѣстницѣ.

Прогулка при закатѣ. (Музей имп. АЛЕКСАНДРА III).

Розы въ сумерки.

Этюдъ пистьевъ.

Два этюда. (Mademoiselle D.).

Одиночество. (Собств. М. Е. Букиника. Москва).

Nature morte (букетъ сирени и статуэтка). (Собственность Семечкиной. Саратовъ).

Этюдъ къ картинѣ „Водоемъ“.

Эскизъ „Подъ ветлампн“.

Дубы при закатѣ.

Этюдъ стога.

У водоема (1902—1903). (Собств. В. О. Гиршманъ. Москва.).

1903.

Этюды вѣтокъ дуба.

Дама въ жептомъ (акварель).

Этюдъ портрета.

Рисунки для обложки.

Этюдъ драпировокъ.

Этюдъ къ „Изумрудному Ожерелью“. (Собствен. С. И. Щукина. Москва).

- Рисунки перомъ для журнала „Вѣсы“. (Собств. журнала).
 Дама у гобелэна. (Собств. В. О. Гиршмана. Москва).
 Въ паркѣ. (Собств. А. А. Шемшурина. Москва).
 Неоконченный портретъ Н. Г. Станюковичъ.
 Женская голова. (Собств. Н. Г. Пѣтухова. Москва).
 Этюдъ къ „Изумрудному Ожерелью“. (Собственность
 М. Ф. Шехтель).
- Послѣдній день. (Собств. В. Э. Направника. СПб.).
 Призраки. (Третьяковская Галлерей).
 Рисунокъ для обложки журнала.
 Портретъ двухъ дамъ. (Собств. Н. И. Барышникова. СПб.).
 Четыре эскиза къ фрескамъ (три—въ Третьяковской Галле-
 реѣ, одинъ—собств. А. П. Боткиной, СПб.).
- Жасминъ и піоны.
 Этюды облаковъ (темпера).
 Этюды облаковъ (маслян.).
 Провнціалки.
 Въ розовой шляпѣ.
 Аллея липъ.
 Подъ тѣнью сосенъ.
 Паркъ погружается въ тѣнь.

Въ моемъ саду. (Собств. А. Ф. Гауша. СПб.).

Ворота усадьбы. (Этюдъ).

Отблескъ заката.

ЭСКИЗЫ ДЛЯ МАЮЛИКИ.

Гроза.

Екатерина II у Ломоносова.

Вѣтки березы и рябины.

Рисунокъ.

Сонечка.

Неоконченный портретъ.

Въ березовой рощѣ.

Шиповникъ.

Вѣточка сирени.

Набросокъ женской фигуры (пастель).

Золотые лучи.

1905.

Эскизъ картины „Вѣнки“. (Собств. А. Ф. Гауша. СПб.).

Этюдъ къ картинѣ „Вѣнки“

Кусть орѣшника.

Плакучая береза.

Осенняя пѣснь.

Букетъ.

Два эскиза для фресокъ. (Ночь).

Кусть орѣшника. (Вариантъ. Собств. И. И. Трояновскаго Москва).

Рисунокъ центральной фигуры къ картинѣ Requiem.

Вѣточки березы.

Рисунки къ картинѣ „Requiem“:

СПБ. 1) Собств. гр. Д. И. Толстого, 2) Собств. П. И. Барышникова,
3) Собств. В. К. Станюковича, 4) Собств. А. П. Боткиной.

Балконъ. (Третьяковская Галлерейя).

Этюдъ къ картинѣ „Вѣнки“.

Ветлы.

Аллея березъ.

Березы въ полдень.

} Этюды клеевыми красками.

Requiem. (Третьяковская Галлерейя).

ПРОИЗВЕДЕНІЯ НЕИЗВѢСТНАГО ВРЕМЕНИ.

Demoiselle. (Собств. Н. Н. Парижъ).

На кушеткѣ. (Рисунокъ углемъ).

Розы бѣлыя.

44

Тѣнь отъ дома.

Въ усадьбѣ.

Стволь дерева.

Этюдъ дѣвушки.

Эскизы къ картинѣ „На террасѣ“.

Розы. (Акварель).

Въ саду. (Акварель).

Бесѣдка. (Акварель).

Набросокъ фигуры. (Пастель).

Эскизъ портрета. (Собств. И. Д. Миліоти).

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-53

F

20.829